

УДК 811.512.145

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-44-53

ХУСАИН ФАИЗХАНОВ И РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

© Дамир Мухетдинов

KHUSAIN FAIZKHANOV AND THE HISTORICAL LINGUISTICS DEVELOPMENT

Damir Mukhetdinov

The article discusses the activities of Khusain Faizkhanov and the results of his work in the areas related to linguistics. Based on available source materials and indirect information, the article characterizes Kh. Faizkhanov's proficiency in various languages, which was demonstrated by him both in his educational and research activities. The article draws attention to the factors that influenced Kh. Faizkhanov's linguistic skills development. The range of languages that Kh. Faizkhanov knew and used in his work was wide. If he could master some of the languages due to his origin and profile of education (Turkic, Arabic, Persian), he learned others on his own, achieving the level that enabled him to use them functionally for specific tasks (Russian, Chuvash). Kh. Faizkhanov equally excelled as a linguistic theorist, which is clearly evidenced by his own textbook on the Tatar language, as a philologist, which is reflected in his work with written monuments, and as a linguist, which follows from his ability to make important, in terms of historical linguistics, methodological conclusions on the interpretation of the Volga-Bulgarian epitaphs, involving the use of information from the Chuvash language.

Keywords: Turkology, historical linguistics, Tatar language, Russian language, Khusain Faizkhanov

В статье рассматривается деятельность Хусаина Фаизханова и результаты его работы в сферах, сопрягающихся с языкознанием. Дана попытка на основе доступных источниковых материалов и косвенных сведений охарактеризовать степень владения Х. Фаизхановым различными языками, что было продемонстрировано им как в образовательной, так и в исследовательской деятельности. В статье обращено внимание на факторы, которые оказали влияние на формирование лингвистических навыков Х. Фаизханова. Спектр языков, которыми владел и с которыми по меньшей мере работал Х. Фаизханов, широк. Если часть языков он мог освоить в силу своего происхождения и профиля обучения (тюркские, арабский, персидский), то другими овладевал самостоятельно до того уровня, чтобы функционально использовать их для конкретных задач (русский, чувашский). Х. Фаизханов показал себя одинаково на высоком уровне как теоретик языкознания, о чем ярко свидетельствует собственно разработанное учебное пособие по татарскому языку, как филолог, что отразилось в работе с письменными памятниками, и как лингвист, что следует из его способности сделать важные в плане исторической лингвистики методические выводы по интерпретации части волжско-булгарских эпитафий на основе привлечения сведений чувашского языка.

Ключевые слова: тюркология, историческая лингвистика, татарский язык, русский язык, Хусаин Фаизханов

Для цитирования: Мухетдинов Д. Хусаин Фаизханов и развитие исторической лингвистики // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 3 (73). С. 44–53. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-44-53

Введение

Настоящая статья продолжает цикл работ, посвященных отмечаемому в текущем году 200-летию юбилею Хусаина Фаизханова (1823–1866) [1], [2], [3], [4]. Среди различных сторон его деятельности и многогранных инте-

ресов особого внимания заслуживает проблематика, связанная с его занятиями филологией и, более того, лингвистикой. Имя Х. Фаизханова вне всяких сомнений твердо вписано в историю тюркологии. Во-первых, это связано с обнаружением ключа к прочтению группы волжско-

булгарских эпитафий [5] и шире – к выяснению природы их языка [6, с. 205, 213–214]; во-вторых, с громадной работой по извлечению и переписыванию исторических материалов, касающихся истории Крымского ханства, вылившейся в фундаментальное издание источников с предисловием В. В. Вельяминова-Зернова (1830–1904) [7], опиравшегося в другом своем исследовании по Касимовскому ханству [8] также на некоторые результаты Х. Фаизханова; в-третьих, это издание практической грамматики по татарскому языку [6, с. 265–266]. Это только то, что можно достоверно проследить по изданной литературе. Недостаточно проясненным остается вопрос о возможности использования в знаменитом сравнительном словаре Л. З. Будагова (1812–1879) собранных Х. Фаизхановым материалов для подготовки собственного казахско-русского словаря, который так и остался неизданным и не обнаружен поныне) [9, с. 101–102], [10, с. 70].

Ниже мы подробно рассмотрим некоторые аспекты научной деятельности Х. Фаизханова, непосредственно или косвенно связанные с языкознанием.

Хусаин Фаизханов и русский язык

По свидетельству Ризы Фахретдина (1859–1836), подчеркивавшего на основе других свидетельств постоянное стремление Х. Фаизханова к знаниям и его усердие на этом пути, Х. Фаизханов, находясь еще в Казани, самостоятельно изучал русский язык в стремлении расширять свой кругозор и знакомиться с научной литературой [11, с. 117–118]. Неизвестно, когда он начал эти занятия, сколько времени длилось его самообразование и каким образом это осуществлялось. Однако в 1855 г., после недавнего переезда Х. Фаизханова в Санкт-Петербург, он, как следует из его письма Ш. Марджани (1818–1889), уже сам обучал грамматике и синтаксису русского языка¹ одного из татарских шакирдов, Ибнйamina Аминова (1832–1861), на тот момент штатного учителя восточной каллиграфии у университете [12, с. 54, 55], а в 1856 г. А. К. Казембек (1802–1870), знавший Х. Фаизханова по их общению и совместной работе в Казани, в своей записке ректору Императорского Санкт-Петербургского университета, характеризует его так: «прекрасно помусульмански образованный, знающий не только турецкий и татарский языки, но также арабский и персидский, и свободно владеющий русским языком» [13, л. 77]. Впро-

чем, даже по прошествии лет сам Х. Фаизханов, как следует из его письма Ч. Ч. Валиханову (1835–1865) от 8 апреля 1863 г., оценивал свои достижения с присущей ему скромностью: «...в эту зиму я составил краткую грамматику казанского татарского языка с примерами и литографировал ее. Но русский язык я хорошо не знаю, а потому просил одного студента исправить мои ошибки. Он также оказался не очень хорошим знатоком языка, и потому работа вышла неважная» (цит. по: [10, с. 276]; [9, с. 93]).

Х. Фаизханов неоднократно подчеркивал значение изучения русского языка как средства для ознакомления с достижениями науки и культуры. Это отразилось в том числе и в его идее в связи с разработкой проекта реформы мусульманского образования внедрить изучение русского языка в учебную программу мусульманских учебных заведений. В его программной работе посвящен значительный раздел «Рисаля» («Послание») обоснованию практического значения овладения русским языком [10, с. 205–209], [12, с. 116, 119]. Позже Ш. Марджани, единомышленник и последователь Х. Фаизханова в просветительской деятельности, подробно описывал, что именно эта идея ученого вызвала негативное восприятие со стороны некоторых консервативно настроенных представителей мусульманской религиозной элиты, дошедших до готовности приравнять изучение «языка неверных» к выходу за рамки шариата. Видя такое непонимание своих идей, Х. Фаизханов смог парировать доводы оппонента обращением к примерам из хадисов [10, с. 261–266]. Курьезность этой ситуации наглядно демонстрирует, насколько взгляды Х. Фаизханова опережали его время.

Хусаин Фаизханов и языки письменных источников

Блистательное владение Х. Фаизханова кроме родного татарского еще арабским и персидскими языками признавалось всеми коллегами (ср. выше цитату А. К. Казембека). В. В. Вельяминовым-Зерновым, соратником и коллегой Х. Фаизханова, он характеризовался как «один из лучших знатоков татарского языка» [14, с. 491]. Между тем, под «татарским» следует понимать не просто родной разговорный язык Х. Фаизханова, но также и письменно-литературный – поволжский *тюр и*², отличавшийся от локального устного определенным универсализмом и служившим своего рода над-

¹ Следует заметить, что из контекста письма на самом деле не ясно, идет ли речь о русском или арабском языке.

² О неустойчивости терминологии лингвистической классификации и ее развитии в русскоязычной традиции см.: [15, с. 93–140].

региональным койне³. Работавший в Казанском университете известный тюрколог Н. Ф. Катанов (1862–1922), современник Р. Фахретдина, характеризует тюркские литературные языки того времени следующим образом:

«Подражание иноземным писателям преимущественно араб.[ским] и персидским, заключается не только в заимствовании сюжета сочинения и манеры писания, но и в заимствовании чужих слов, и даже в намеренном исковеркивании своих слов на иноземный лад, что особенно заметно у Волжских татар. Значительными заимствованиями чужих слов славится более всего турецко-османский книжный язык, который турки-простолюдины понимают мало или не понимают совсем. Татары Волжского бассейна пишут свои сочинения на родном языке, но с значительною примесью турецкого и джагатайского элементов, потому что в глазах этих татар языки турецкий и джагатайский считаются образцовыми, как у турков араб.[ский] и персид.[ский] языки. У татар Волжского бассейна даже глаголы, наречия и союзы заменяются турецкими и джагатайскими, так что книга, написанная на таком искусственном языке не может быть приписана строго ни одному известному народу» [20, с. 10].

К этой пространной характеристике следует добавить такое замечание еще одного тюрколога, специалиста по письменным языкам Средней Азии, Г. Ф. Благовой (1927–2013):

«Известно, например, что письменная фиксация сама по себе способствует отграничению книжно-письменного языка от других форм существования языка. Особенно это относится к письменности на арабском алфавите. Так, в чагатайском, в текстах, писанных арабским алфавитом, обозначались преимущественно согласные, а их огласовка была условной: ею передавались далеко не все качества гласных, благодаря чему арабское написание предоставляло большую свободу читателю в озвучивании текста; к тому же очень часто огласовка могла вовсе отсутствовать. В результате носители различных тюркских языков и диалектов получали возможность читать один и тот же текст каждый на свой лад, окказионально варьируя его фонетическую аранжировку» [15, с. 241–242].

Естественно, при таком характере этого письменного языка овладевший им получал бы широкий доступ к таким же письменно-

литературным в своей природе староосманскому и чагатайскому. Поэтому не должно удивлять, что в последующем Х. Фаизханов мог не только преподавать татарский и «турецкий» (то есть староосманский), но также работать с текстами на них, а также на крымско-татарском, чагатайском, казахском и др. тюркских языках.

Когда В. В. Вельяминов-Зернов подготовил к печати «чагатайско-турецкий» (то есть, по сути, чагатайский, см. выше) словарь, во вводной части он написал:

«Я предполагал взять в корректоры бывшего лектора С. Петербургского Университета Муллу Хусейна Феиз-ханова, основательно знакомого с Татарскими наречиями. В нем я надеялся найти не только корректора, но и деятельного помощника. Но не успел я приняться за работу, как к несчастью Мулла Хусейн скончался. Заменить его было решительно нечем» [21, с. 23–24].

Эта сентенция, начертанная в контексте извинительных выражений автора перед читателем за возможные упущения в проделанной работе, демонстрирует не только признание авторитета Х. Фаизханова в языковедческих вопросах, подчеркивая его уровень, но и совершенно ясно свидетельствует о дефиците компетентных кадров в среде российского востоковедения того времени.

Расшифровка волжско-булгарских эпитафий

Не только основательная подготовка, но и языковое чутье позволило Х. Фаизханову сделать важнейшее открытие, ставшее этапным для истории тюркологии. Речь идет об идентификации типа языка волжско-булгарских эпитафий, давшей ключ к их верной расшифровке и открывшей перспективы для дальнейшего развития этого направления в тюркологии.

По итогам полевых работ 1862–1863 гг., когда он имел возможность снять копии с нескольких обнаруженных им волжско-булгарских эпитафий, Х. Фаизханов опубликовал специальную статью [5, с. 396–404], по отзыву А. К. Казембека, «труд замечательный в лингвистическом отношении» [14, с. 493]. Одна из опубликованных им эпитафий была написана на стандартном тюркском языке, две другие содержали формы числительных, которые он интерпретировал в сопоставлении с чувашской лексикой [5, с. 404]. Число интерпретированных им надписей было большим, но исследование осталось в черновом варианте [14, с. 136–154]. Х. Фаизханов был знаком с чувашским языком достаточно отдаленно, о чем свидетельствует упоминание в письме к Ш. Марджани его обращение к словарю (см. Письмо Х. Фаизханова

³ Подробно о такой характеристике см. работу Э. Р. Тенишева [16], где, однако, чагатайский и *тюр* и рассматриваются как отдельные литературные языки, существовавшие на разных исторических этапах, хотя генетически связанные. Иной взгляд см.: [17], [18]. Именован в данном случае язык, на котором собственно писал Х. Фаизханов, «старотатарским» или нет, мы этот вопрос не обсуждаем.

Ш. Марджани от 27 декабря 1863 г.) [12, с. 131–132, 135].

Сегодня мы знаем, что волжско-булгарские эпитафии классифицируются на две группы с точки зрения языковой (или диалектной) принадлежности. Одна из них сохраняет черты, присутствующие поволжскому варианту чагатайского языка или *тюр у* (см. выше), другая включает как раз те памятники, чей язык можно охарактеризовать как принадлежащий к так называемой булгарской группе (или ветви) тюркских языков⁴. Язык этой группы волжско-булгарских эпитафий характеризует, видимо, язык населения Волжской Булгарии и, опять же, одной из групп ее населения. При этом чувашский, хоть и родственный ему, отнюдь не является его прямым потомком, а относится, скорее, к языку какой-то периферийной группы булгароговорящего населения, и тем не менее остается единственным живым языком булгарской группы [19, с. 460].

Конечно, при том уровне накопления материала, которым характеризовалась наука в середине XIX в., ни Х. Фаизханов, ни кто-либо иной знать этого не могли. Однако Х. Фаизханов, обнаружив общие характеристики в прочитанных им эпитафиях с языком чувашей, которые и в его время не являлись мусульманами, предложил перспективную интерпретацию, что предки чувашей были финно-уграми (по терминологии того времени «финнами»), которые тюркизировались, будучи покорены тюрками-мусульманами и войдя в политическую зависимость от них, при этом те финно-угры, которые приняли ислам и тюркизировались больше, – это булгары, а те, кто не принял ислам и тюркизировались меньше (это отразилось только в заимствовании лексики), – чуваш и марийцы (см. Письма Х. Фаизханова Ш. Марджани от 27 декабря 1863 г. и в апреле (?) 1864 г.) [12, с. 131–132, 135, 140, 143].

Само открытие Х. Фаизханова, связанное с идентификацией языка эпитафий, поддержал и на широком материале развил Н. И. Ильминский (1822–1891), который, правда, в начале своей статьи утверждал, что «почтенный мулла высказал эту идею не специально, а мимоходом, в объяснение знаменитого выражения *جيات جور*, а потому нерешительно и неполно» [22, с. 80–81]. Как пишет, например, А. Н. Кононов, отдавая должное роли Х. Фаизханова в открытии, «его догадку использовал Н. И. Ильминский»

[6, с. 205]. В любом случае Х. Фаизханов, по видимому, какая-либо борьба за первенство мало волновала, поскольку он целиком был погружен в дальнейшие изыскания. Собственные результаты подвигли его к дальнейшей разработке вопросов исторического прошлого татар. Таким образом, выводы, полученные на основе изучения надписей, использовались им как инструмент для решения исторических проблем. В этом деле он выступил как филолог. Вместе с тем в одном из писем Ш. Марджани он высказал важные наблюдения лингвистического характера. Х. Фаизханов обратил внимание на присутствие общетюркских слов в чувашском и значительную долю тюркизмов в марийском языке, что интерпретировал как заимствования. Помимо этого, он заметил концептуальное соответствие общетюркскому [z] чувашского [r], хотя на том уровне развития науки интерпретировал это как фонетический переход (см. Письмо Х. Фаизханова Ш. Марджани от 27 декабря 1863 г.) [12, с. 131–132, 135].

Н. И. Ильминский же, которого уже как лингвиста интересовал сам язык, в упомянутой статье высказал несколько мыслей о возможностях исторического развития чувашского языка: допуская мысль об изначально финно-угорской основе чувашского языка, переходное состояние от которого к общетюркскому отражал язык булгарских эпитафий, он не отрицал также и возможности его принадлежности к особой ветви тюркских языков [22, с. 84]. В целом же вопрос он оставил открытым. Н. И. Ашмарин (1870–1933), который поддержал и подкорректировал прочтение двух надписей Х. Фаизхановым [23, с. 69, 89–92], вначале был в общем единомышлен с Х. Фаизхановым, как и В. В. Радлов (1837–1918), полагая, что в основе чувашского лежит не тюркский, а финно-угорский язык [24, с. XXXI–XXXIV]. Впоследствии он скорректировал свои взгляды и, по сути, развил одну из мыслей Н. И. Ильминского, указав на возможность исторического проникновения финно-угорских языковых элементов в чувашский язык [25, с. V–VII].

Нас не будет интересовать развитие истории исследований волжско-булгарского и чувашского языков, нам важнее указать на то, что вопросы, над которыми даже не в научных публикациях, а в переписке с Ш. Марджани размышлял Х. Фаизханов, были решены учеными только в начале XX в. [26, с. 289–314] (с литературой вопроса).

В данной работе мы обходим обсуждением и такую одиозную проблему, как борьба за «булгарское наследство», в своей природе исходно

⁴ В разных классификациях она еще именуется булгаро-чувашской, огурской, группой *r*-языков или *ṣaZ*-языков, что не меняет общей сути и совсем не принципиально для нашей темы.

искусственную, то есть надуманную, и имеющую скорее социальное, чем научное значение. Тем не менее нельзя не упомянуть таких прискорбных для научных диспутов явлений, как эксплуатация происхождения ученого. Например, чувашскими исследователями в дискуссиях с татарскими коллегами по поводу определения места языка волжско-булгарских эпитафий в истории тюркских языков не без плохо скрываемого ехидства и явного смакования специально подчеркивается татарское происхождение Х. Фаизханова [27, с. 256], [28, с. 11], открывшего близость их языка к чувашскому, что как будто должно послужить для оппонентов поучительным примером и мотивом для пересмотра интерпретаций. Так и среди некоторых одиозных татарских авторов, искателей «глубоких корней» и «великих предков» своего народа, можно встретить попытки вовсе поставить под сомнение результаты открытия Х. Фаизханова, усомнившись в его компетентности (!)⁵. Первое явление, конечно, следует целиком отнести к сфере этики ведения научных дискуссий, второе, не имеющее никаких реальных оснований, тоже остается на совести авторов.

Х. Фаизханов, признанный специалист по языкам, в самую последнюю очередь мог руководствоваться какими-либо тенденциозными идеями, даже просто потому, что работал с плохо разработанным материалом, двигаясь фактически наощупь. Безусловно, его больше интересовала история татарского народа, и даже если этот интерес был непосредственно (и вполне естественно) связан с собственной этнокультурной средой, то решение исторических проблем осуществлялось исключительно в рамках научной методики, средствами, которые позволял уровень науки того времени.

⁵ Так пишет, например, М. З. Закиев (сам специалист по синтаксису татарского языка): «Хусейн Фейзханов, по происхождению сергачский мишар, не знал особенностей среднего диалекта татарского языка...», и дальше в тексте идут спекулятивные псевдолингвистические рассуждения о том, как можно (и как будто следовало!) прочесть интерпретированные Х. Фаизхановым тексты, если иметь знания о специфике некоторых татарских диалектов [29, с. 9]. Учитывая общую характеристику работ М. З. Закиева, вряд ли этот довод можно считать серьезным, но выбор такого рода нападок на предшественников в качестве метода аргументации должен считаться исключительно предосудительным.

Хусанн Фаизханов и казахско-русский словарь

Летом 1860 г. Х. Фаизханов был снаряжен Императорским Археологическим обществом Академии наук в официальную командировку для изучения надписей на надгробных камнях в Касимове, необходимых для готовящейся работы В. В. Вельяминова-Зернова по Касимовскому ханству [10, с. 90–91]. После возвращения из Касимова, чтобы поправить ставшее ухудшаться здоровье, Х. Фаизханов отправился в южные регионы Российской империи, а именно в Оренбургскую губернию, где самостоятельно начал осуществлять сбор полевого этнографического, фольклорного и лингвистического материала [Там же, с. 57–58]. Там он познакомился с казахскими интеллектуалами Ибраем Алтынсариным (1841–1889) и, видимо, Чоканом Валихановым (1835–1865), а также собирался встретиться с Н. И. Ильминским, но не смог застать его (Письмо Х. Фаизханова Н. И. Ильминскому от 4 октября 1860 г. [Там же, с. 280]). С последним он мог общаться еще в период своей жизни в Казани (хотя непосредственных сведений об этом не имеется), обстоятельства знакомства с казахскими просветителями тоже неизвестны из-за отсутствия источников. И. Алтынсарин упоминается в том же письме Х. Фаизханова Н. И. Ильминскому осенью 1860 г., а из позднейшей переписки Х. Фаизханова с Ч. Ч. Валихановым становится ясным, что с ним он знаком по меньшей мере с 1862 г. и уже тогда они тесно сотрудничали. В 1863 г. Х. Фаизханов не смог ответить на приглашение Ч. Ч. Валиханова посетить его, но упоминает о каких-то хранящихся у него тетрадях с записями Ч. Ч. Валиханова (Письмо Х. Фаизханова Н. И. Ильминскому от 8 апреля 1863 г. [Там же, с. 276]). С весны 1863 г. оба ученых готовили (или по крайней мере планировали), говоря современным языком, «совместный проект», инициатором которого выступал Х. Фаизханов, в 1862 г. получивший поручение от университетского руководства «собрать материал для словаря казахского языка и для грамматики, то есть грамматические слова, предложения, басни, рассказы (сказки) и песни» [Там же, с. 275], чем он и занимался уже в прошлом году. Очевидно, что и тетради Ч. Ч. Валиханова использовались им как важный лингвистический источник.

Официальные сведения об официальном поручении Х. Фаизханову подготавливать словарь имеются только с 1862 г. Именно весной этого года руководство Санкт-Петербургского университета, следуя указаниям врача, поспособствова-

ло поездке Х. Фаизханова на юг для профилактики здоровья, поэтому оформило ему официальную командировку как раз с целью сбора материала для словаря. Это решение поддержала и Академия наук, снабдившая Х. Фаизханова своим заданием [Там же, с. 62–63]. Отсюда вытекает, что поездки в Оренбургскую губернию для Х. Фаизханова изначально были вынужденной и необходимой для здоровья мерой, что вызывало понимание у университетского руководства, решившего попутно использовать эти поездки с практической пользой. Такая логика не противоречит раннему выводу, что «Фаизхан начал собирать материал для словаря и учебного пособия еще в 1860 году» [Там же, с. 69]. Вероятно, университетское начальство уже было знакомо с плодотворными результатами собственной инициативы своего сотрудника и решило придать его деятельности официальный характер.

Переписка с Ч. Валихановым показывает, что Х. Фаизханов мог не просто работать с письменным и устным материалом, но и разбирался в диалектных различиях казахского языка, к обнаружению которых для себя смог прийти практическим способом:

«Ильминский в Казани издал небольшой словарь по казахскому языку, вполне хороший. Однако слов немного, наберется ли около полутора тысяч. Есть еще [что следует сказать]: значение некоторых слов отличается от языка казахов Внутренней Орды. Отсюда ясно, что в казахском языке между различными областями его распространения также имеются отличия. Так как Ильминский хорошо знает казахский язык, то он не должен был допустить ошибок» (Письмо Х. Фаизханова Ч. Ч. Валиханову от 8 апреля 1863 г.) [Там же, с. 275].

В продолжение этого письма Х. Фаизханов обращает внимание на специфику языка населения Среднего жуза, верно отмечая параллели между местным казахским и ногайским языками: «И еще, жители Внутренней Орды при содействии хана Джихангира стали ногайцами (отатаривались). Когда они разговаривают с подобными нам ногайцами (татарами), то стараются говорить по-ногайски (по-татарски). А потому Внутренняя Орда не подходит для сбора материала для словаря казахского языка» [Там же]. От устного казахского языка в записях Ч. Валиханова смог Х. Фаизханов отличить и кыргызский язык [10, с. 276].

Словарь до нашего времени не дошел и, как говорилось выше, есть основания полагать, что материалы, добытые Х. Фаизхановым интегрировал в свой словарь Л. З. Будагов. По крайней мере, сохранились свидетельства в виде слов са-

мого Л. З. Будагова, относящихся к январю 1864 г., что он был в курсе подготовки работы Х. Фаизханова и мог получать от него какие-то материалы:

«Для киргизского наречия я пользовался материалами г. Ильминского, пометив их в словаре, с немногими исправлениями, доставленными мне муллой Хусейном Фейз-Хановым. Хотя господин декан нашего факультета словесно и разрешил мне воспользоваться материалами, собранными и самим муллой Хусейном, но я не мог пока это сделать, потому что они не приведены еще, как он говорил, в порядок» [30, л. 4].

Вряд ли из этих слов можно будет сделать заключение, что Х. Фаизханов не предоставил коллеге свои материалы по какой-то иной причине: слишком сильно современниками Х. Фаизханова подчеркивается его бескорыстие и верность служению науке (см. отзывы В. В. Вельяминова-Зернова, А. К. Казембека [14, с. 491, 493]).

Как уже говорилось, сам словарь, который готовил Х. Фаизханов ни в каком виде до нашего времени не обнаружен. Мы знаем только об оценке этой работы Х. Фаизханова, близившейся к завершению, но прерванной его смертью. Оценка была самой высокой: «приобретение весьма важное не только для учебной, но и для ученой литературы», по словам А. К. Казембека, на тот момент декана Факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета.

Грамматика татарского языка

Преподавая на Факультете восточных языков, Х. Фаизханов обобщил этот опыт и зимой 1863–1864 гг. подготовил собственное учебное пособие для студентов – «Краткую грамматику татарского языка» на русском языке. Пособие было издано литографическим способом на собственные средства Х. Фаизханова, но затраты были компенсированы Факультетом [10, с. 72]. Не удовлетворенный этим результатом, он продолжал совершенствовать свое пособие. В письме Ш. Марджани от 22 октября 1864 г. он писал:

«Последние пару месяцев я занимался составлением учебника по морфологии и синтаксису нашего тюркского языка на русском языке для студентов. Полагаю, через неделю или десять дней я его завершу» [12, с. 147, 149].

Неизвестно, уложился ли Х. Фаизханов в поставленные себе же сроки, но 17 марта 1865 г. он уже может написать Ш. Марджани:

«В университете также есть дела. Написал книгу о морфологии и синтаксисе нашего языка. Каждый раз,

перечитывая, нахожу нужным что-то исправить, добавить или удалить. Все это тоже занимает мое время. Это мое собственное оригинальное сочинение, я ни за кем не следовал, никому не подражал, даже не смотрел ни чьи другие книги. Наши ученики хвалят» [Там же, с. 152, 157].

Отсюда следует, что по крайней мере в рукописи работа использовалась Х. Фаизхановым в ходе преподавательской деятельности. К сожалению, работа тоже недоступна науке.

В письме Ш. Марджани земляку и одному из учеников Х. Фаизханова, Калимулле Аминову, от 9 декабря 1866 г., где среди прочего изложена просьба прислать ему в Казань оставшиеся книги и рукописи из личной библиотеки покойного, говорится, что среди них «должны быть также морфология и синтаксис, сочиненные им на татарском языке» [10, с. 319]. Пока нельзя ничего сказать насчет того, смог ли Калимулла ответить на эту просьбу и вообще выслать хоть какие-нибудь рукописи Х. Фаизханова. Выдвигалось предположение, что в каком-то виде материалы для данной грамматики использовал Абд ал-Аллам Фаизханов (1850–1910), младший брат Хусаина, каким-то образом интегрировал их в собственную грамматику татарского языка, написанную на татарском языке и изданную под названием «Татар телигэ кыскача гыйльми сарыф» («Краткая грамматика татарского языка», Казань, 1887) [31]. Одним из важных аргументов здесь является указание на то, что Абд ал-Аллам при всей своей столь же разносторонней деятельности филологом не был [9, с. 199–200]. В настоящее время вопрос пока не может быть однозначно решен.

Современные оценки компетентных специалистов касательно грамматик Хусаина и Абд ал-Аллама Фаизхановых высказаны в недавней статье, специально посвященной этой теме [32] (ср.: [27, с. 20–36]). Ф. Ш. Нуриева приводит дополнительные доводы, позволяющие подтвердить высказывавшиеся прежде в историографии мнения, что Х. Фаизханов использовал для составления своего пособия опыт «Практического руководства к изучению татарского языка» М. Махмудова (1857) [32, с. 54]. Следует заметить, что упоминание в названии работы слова «татарский» соответствует собственно татарскому языку: характерные фонетические особенности отражены в графическом обозначении. Например, может быть идентифицировано явное соответствие общетюркскому [e] татарского [i] – в словах *يەر* ‘земля’, *бер* ‘давать’ [31, с. 40] и др.

Самостоятельное значение имеют приложенные к работе Х. Фаизханова в качестве хрестоматии тексты рассказа «Калила и Димна» арабского

писателя Ибн ал-Мукаффа (ум. между 756 и 760 гг.) в собственном переводе с арабского языка на татарский, грамоты крымского хана Джанибек-Гирея (XVII в.) на крымскотатарском языке, отрывок из «Маджалис ан-нафаис» Алишера Навои (1441–1501) на среднеазиатском тюрки, отрывки из частных писем. Включение в состав пособия этих текстов как раз должно было продемонстрировать близость письменного языка разных тюркских народов и в то же время позволить учащимся увидеть специфику устной речи на этом фоне.

Нельзя не отметить, что и само осуществление перевода такого значительного памятника, как «Калила и Димна», является знаковым событием в истории татарского литературного языка. Полный перевод памятника на татарский язык издал в последующем А. Фаизханов (три отдельные книги в 1889 и 1891 гг.) [33]. Вслед за М. А. Усмановым мы должны оставить вопрос о степени самостоятельности этой работы специальным исследованиям.

Заключение

Обобщая все факты проявления деятельности Х. Фаизханова в сферах, соприкасающихся с языкознанием, можно сделать ряд значимых наблюдений, которые корректируют некоторые бытующие представления.

Во-первых, Х. Фаизханов многим обязан своей подготовке, которую он получил в ходе обучения в мусульманских (религиозных по характеру) учебных заведениях от своих наставников. Именно в этот период жизни он освоил арабский, персидский и, очевидно, письменный литературный тюрки, обрел навыки работы с текстами и почерками.

Во-вторых, при рассуждениях о способности Х. Фаизханова читать тексты на разных тюркских языках важно учитывать именно общее единство письменно-литературных языков, будь то варианты тюрки или староосманский, отличавшиеся от языков устного общения.

В-третьих, немаловажным был тот совершенно не верифицируемый с точки зрения возможностей гуманитарных наук факт, который заключается в собственных способностях Х. Фаизханова к освоению языков. Очевидно, не только эрудиция, но и природное чутье позволяли ему самостоятельно освоить русский язык на уровне выше разговорного и использовать его не только как инструмент общения и получения информации, но даже переводить с него и на него научные тексты и преподавать его грамматику; точно так же объясняется и способность определять и выявлять диалектные различия в язы-

ках, с которыми он работал, и эти же знания применять при написании собственной учебной грамматики; о том же свидетельствует и способность выявить параллели с общетюркской ветвью языков в чувашском, фонетика и морфология которого достаточно своеобразно эволюционировали, или тюркизмы в марийском языке, при том что ни тот, ни другой он специально не изучал.

В-четвертых, в Х. Фаизханове сочетались и филолог, который использует владение языком как инструмент для исследования различных аспектов истории и культуры, и лингвист, который непосредственно предметно изучает сам язык. Х. Фаизханов глубоко осваивал не только грамматику и синтаксис языков, с которыми имел необходимость работать, но и фонетику, будучи способен уловить фонетические соответствия или на уровне развития лингвистики своего времени уловить взаимосвязь между теми или иными фонетическими явлениями и процессами.

Список источников

1. Мухетдинов Д. В. Х. Фаизханов и его взаимоотношения с А.К. Казембеком и Ш. Марджани: опыт переосмысления // Ислам в современном мире. 2023. Т. 19. № 1. С. 27–46.
2. Мухетдинов Д. В. Историческое наследие Хусаина Фаизханова // Ислам в современном мире. 2023. Т. 19. № 2. С. 24–46.
3. Мухетдинов Д. В. Теологическая легитимация педагогического проекта Хусаина Фаизханова // Ислам в современном мире. 2023. Т. 19. № 3 (в печати).
4. Мухетдинов Д. В. Три сабачайских надмогильных памятника // Поволжская археология. 2023 (в печати).
5. Фейзханов Х. Три надгробных болгарских надписи // Известия Императорского археологического общества. СПб., 1863. Т. IV. С. 396–404, табл. I–III (прилож.).
6. Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Изд. 2-е, доп. и испр. Л.: Наука, 1982. 360 с.
7. Материалы для истории Крымского ханства, извлеченные, по распоряжению Императорской Академии наук, из Московского главного архива Министерства иностранных дел / Изд. В. В. Вельяминов-Зернов. СПб.: Типогр. Имп. Акад. наук, 1864. XI, 941, 30 с.
8. Вельяминов-Зернов В. В. Исследования о казимовских царях и царевичах. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1863. Ч. I. 558 с.; 1864. Ч. II. 498 с.; 1866. Ч. III. 502 с.; 1887. Ч. IV. 178 с.
9. Усманов М. А. Заветная мечта Хусаина Фаизханова. Повесть о жизни и деятельности. Казань: Тат. кн. изд-во, 1980. 223 с.
10. Мухетдинов Д. В. Хусаин Фаизхан – классик татарского просвещения, истории и педагогики. М.; Н. Новгород: ИД «Медина», 2014. 340 с.
11. Хусаин Фаизханов. Жизнь и наследие: историко-документальный сборник / пер. со старотат. А. М. Ахунова и И. Ф. Гимадеева; сост. и отв. ред. Д. В. Мухетдинов. Н. Новгород: ИД «Медина», 2008. 152 с.
12. Нерасторжимая связь: письма Хусаина Фаизханова Шихабутдину Марджани / ред.-сост. Д. В. Мухетдинов. 2-е изд. испр. и дополн. М.: ИД «Медина», 2018. 204, 5^у с.
13. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 1. Д. 5615 (Об определении преподавателей практических уроков Ахмет Бен-Хусейна, Ламы Гомбоева и Кельзи и об определении муллы-Хусейна Фейз-Ханова по турецко-татарскому. 20 февраля 1856 г.). 276 л.
14. Хөсәен Фәезханов: тарихи-документаль жыйынтык / [төзүче автор: Р. Мәрданов]. Казан: Жыен, 2006. 704 б.
15. Благова Г. Ф. Вариантные заимствования *ту-ро* ~ *тю-р* и их лексическое обособление в русском языке (К становлению обобщающего имени тюркоязычных народов) // Тюркологический сборник. 1972 / ред. кол.: А. Н. Кононов (отв. ред.), С. Г. Кляшторный, Ю. А. Петросян, С. С. Цельникер. М.: Наука, 1973. С. 93–140.
16. Тенишев Э. Р. Языки древне- и среднетюркских письменных памятников в функциональном аспекте // Вопросы языкознания. 1979. № 2. С. 85–93.
17. Doerfer G. Chaghatay Language and Literature // Encyclopaedia Iranica / ed. by E. Yarshater. Costa Mesa, CA: Mazda, 1992. Vol. 5. Carpets–Coffee. P. 339–343.
18. Boeschoten H. Chaghatay // The Turkic Languages / eds. L. Johanson, É. Á. Csátó. 2nd ed. London; New York: Routledge, 2022. P. 160–174.
19. Agyagási K. Chuvash // The Turkic Languages / eds. L. Johanson, É. Á. Csátó. 2nd ed. London; New York: Routledge, 2022. P. 460–478.
20. Катанов Н. Ф. Этнографический обзор турецко-татарских племен: вступительная лекция в курс обозрения тур.-татар. племен, прочит. в Имп. Казан. ун-те 29 янв. 1894 г. Казань: Типо-литогр. Имп. ун-та, 1894. 22 с.
21. Словарь джагатайско-турецкий / издал В. В. Вельяминов-Зернов. СПб.: Типогр. Акад. наук, 1868. 31, 420 с.
22. Ильминс и й Н. И. О фонетических отношениях между чувашским и тюркскими языками // Известия археологического общества. 1865. Т. V. С. 80–84.
23. Ашмарин Н. И. Болгары и чуваша. Казань: Типо-литогр. Имп. Уни-та, 1902. 132 с.
24. Ашмарин Н. И. Материалы для исследования чувашского языка. Казань: Типо-литография Императорского Ун-та, 1898. Ч. 1: Учение о звуках. XXXIV, 382 с.
25. Ашмарин Н. И. Опыт исследования чувашского синтаксиса: [в 2-х ч.]. Казань: Типо-литогр. В. М. Ключникова, 1903. Ч. I. 14, XII, 573 с.
26. Понне Н. Н. Чувашский язык и его отношение к монгольскому и турецким языкам // Известия Рос-

сийской Академии Наук. VI сер. 1924. Т. 18. Вып. 12. С. 289–314.

27. Димитриев В. Д. О книге Г. В. Юсупова «Введение в болгаро-татарскую эпиграфику» // Ученые записки Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР (ЧНИИ) / ред. В. А. Андреев, В. Д. Дмитриев. Чебоксары: Чувашское государственное издательство, 1963. Вып. XXIII. С. 255–263

28. Федотов М. Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1983. Ч. II. 136 с.

29. За и ев М. З. Об истоках языка основных компонентов казанских татар (к этногенезу тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья) // Вопросы татарского языкознания / отв. ред. М. З. Закиев. Казань: Изд-во Казан. гос. пед. Ун-та, 1978. С. 3–65 (Ученые записки Казанского государственного педагогического ун-та (КГПИ). Вып. 186).

30. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 3. Д. 15503 (Протоколы заседаний факультета восточных языков с материалами к ним). 166 л.

31. Фаизханов Х. Краткая учебная грамматика татарского языка. Фаизханов А. Краткая научная морфология татарского языка / под. общ. ред. Д. В. Мухетдинова; пер. со старотат. Т. Х. Хабибуллина. М.: «ИД Медина», 2022. 240 с.

32. Нуриева Ф. Ш. Грамматические труды братьев Фаизхановых в развитии татарской лингвистической науки // Ислам в современном мире. 2017. Т. 13. № 4. С. 46–64.

33. Исмагилов Н. Ф. Роль Г. Фаизханова в развитии татарского литературного языка на примере перевода «Калилы и Димны» // Религиозное образование мусульман Волжско-Сурского региона: исторический опыт, современное состояние, перспективы развития. Сборник материалов к пятилетию ежегодного научно-практического семинара «Рухи мирас» («Духовное наследие») [2008]. URL: <https://idmedina.ru/books/materials/?878> (дата обращения: 11.04.2023).

References

1. Mukhetdinov, D. V. (2023). *Kh. Faizkhanov i ego vzaimootnosheniya s A. K. Kazembekom i Sh. Mardzhani: opyt pereosmyleniya* [Faizhanov's Relationships with A. K. Kazembek and Sh. Mardjani]. *Islam v sovremennom mire*. Vol. 19. No. 1, pp. 27–46. (In Russian)

2. Mukhetdinov, D. V. (2023). *Istoricheskoe nasledie Khusaina Faizkhanova* [Historical Heritage of Khusain Faizkhanov]. *Islam v sovremennom mire*. Vol. 19. No. 2, pp. 27–46. (In Russian)

3. Mukhetdinov, D. V. (in print) *Teologicheskaya legitimatsiya pedagogicheskogo proekta Khusaina Faizkhanova* [Theological Legitimation of Khusain Faizkhanov's Pedagogical Project]. *Islam v sovremennom mire*. Vol. 19. No. 3. (In Russian)

4. Mukhetdinov, D. V. (in print) *Tri sabachaiskih nadmogil'nyh pamyatnika* [The Sabachay Burial Grave-stones]. *Povolzhskaya arheologiya*. (In Russian)

5. Feizkhanov, Kh. (1863). *Tri nadgrobnih bulgarskih nadpisi* [Three Gravestone Bulgar Inscriptions]. *Izvestiya Imperatorskogo arheologicheskogo obshchestva*. Vol. 4, pp. 396–404, tabl. 1–3. (In Russian)

6. Kononov, A. N. (1982). *Istoriya izucheniya tyurkskikh yazykov v Rossii. Dooktyabr'skii period* [The History of Turkic Languages Studies in Russia. The Pre-October Period]. Izd. 2-e, dop. i ispr. 360 p. Leningrad, Nauka. (In Russian)

7. Vel'yaminov-Zernov, V. V. (1864). *Materialy dlya istorii Krymskogo hanstva, izvlechennye, po rasporyazheniyu Imperatorskoi Akademii nauk, iz Moskovskogo glavnogo arkhiva Ministerstva inostrannykh del* [Materials for the History of the Crimean Khanate, Extracted, by Order of the Imperial Academy of Sciences, from the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs]. XI, 941, 30 p. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. (In Russian)

8. Vel'yaminov-Zernov, V. V. (1863–1887). *Issledovaniya o kasimovskikh tsaryakh i tsarevichakh* [Studies on the Kasimov Tsars and Princes]. Vol. 1–4. 558 p.; 498 p.; 502 p.; 178 p. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. (In Russian)

9. Usmanov, M. A. (1980). *Zavetnaya mechta Khusaina Faizkhanova. Povest' o Zhizni i Deyatel'nosti* [A Cherished Dream of Khusain Faizkhanov. A Story about His Life and Activities]. 223 p. Kazan', Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian)

10. Mukhetdinov, D. V. (2014). *Khusain Faizkhan – klassik tatarskogo prosveshcheniya, istorii i pedagogiki* [Khusain Faizkhan as a Classic of Tatar Education, History and Pedagogy]. 340 p. Moscow, Nizhnii Novgorod, “Medina”. (In Russian)

11. Mukhetdinov, D. V. (2008). *Khusain Faizhanov. Zhizn' i nasledie: istoriko-dokumental'nyi sbornik* [Khusain Faizkhanov. His Life and Legacy: Historical and Documentary Collection]. 152 p. Nizhnii Novgorod, “Medina”. (In Russian)

12. Mukhetdinov, D. V. (2018). *Nerastorzhimaya svyaz': pis'ma Khusaina Faizhanova Shikhabutdinu Mardzhani* [An Indissoluble Bond: Khusain Faizkhanov's Letters to Shikhabutdin Mardjani]. Izd. 2-e, dop. i ispr. 204 p. Moscow, “Medina”. (In Tatar, in Russian)

13. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arhiv Sankt-Peterburga* [Central State Historical Archive of St. Petersburg]. F. 14. Inv. 1. F. 5615, 276 list. (In Russian)

14. Mardanov, R. (2006). *Khusaen Faizhanov: takrihi-dokumental' zhyentyk* [Khusain Faizkhanov: A Collection of Historical Documents]. 704 p. Kazan, Zhyen. (In Tatar, in Russian)

15. Blagova, G. F. (1973). *Variantnye zaimstvovaniya turok ~ tyurk i ikh leksicheskoe obosoblenie v russkom yazyke (K stanovleniyu obobshchayushhego imeni tyurkoyazychnykh narodov)* [Variant Borrowings of the turok ~ tyurk and Their Lexical Isolation in the Russian Language (On the Formation of a Generalizing Name for the Turkic-speaking Peoples)]. Red. kol.: A. Kononov (otv. red.), S. Klyashtorny, Yu. Ptrosyan, S. Tselniker. *Tyurkologicheskii sbornik*. 1972. Pp. 93–140. Moscow, Nauka. (In Russian)

16. Tenishev, E. R. (1979). *Yazyki drevne- i srednetyurkskikh pis'mennykh pamyatnikov v funktsional'nom*

aspekte [Languages of Old and Middle Turkic Written Monuments in a Functional Aspect]. *Voprosy yazykoznaniiya*. Vol. 2, pp. 85–93. (In Russian)

17. Doerfer, G. (1992). *Chaghatay Language and Literature*. Yashater E. (ed.) *Encyclopaedia Iranica*. Vol. 5. Carpets–Coffee. Pp. 339–343. Costa Mesa, CA, Mazda. (In English)

18. Boeschoten, H. (2022). *Chaghatay. The Turkic Languages*. Eds. L. Johanson, É. Á. Csátó. 2nd ed. Pp. 160–174. London; New York, Routledge. (In English)

19. Agyagási, K. (2022). *Chuvash. The Turkic Languages*. Johanson L., Csátó É. Á. (eds.). 2nd ed. Pp. 460–478. London; New York, Routledge. (In English)

20. Katanov, N. F. (1894). *Etnograficheskii obzor turetsko-tatarskikh plemen* [An Ethnographic Survey of the Turkish-Tatar Tribes]. 22 p. Kazan', Tipo-litografiya Imperatorskogo universiteta. (In Russian)

21. Vel'yaminov-Zernov, V. V. (1868). *Slovar' dzhagataisko-turetskii* [Chaghatay-Turkish Dictionary]. 31, 420 p. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. (In Russian)

22. Il'minskii, N. I. (1865). *O foneticheskikh otnosheniyakh mezhdru chuvashskim i tyurkskimi yazykami* [On the Phonetic Relations between the Chuvash and Turkic Languages]. *Izvestiya arheologicheskogo obshchestva*. Vol. 5, pp. 80–84. (In Russian)

23. Ashmarin, N. I. (1902). *Bolgary i chuvashi* [Bulgars and Chuvashes]. 132 p. Kazan', Tipo-litografiya Imperatorskogo Universiteta. (In Russian)

24. Ashmarin, N. I. (1898) *Materialy dlya issledovaniya chuvashskogo yazyka* [Materials for the Chuvash Language Studies]. Vol 1. Uchenie o zvukah. XXXIV, 382 p. Kazan', Tipo-litografiya Imperatorskogo Universiteta. (In Russian)

25. Ashmarin, N. I. (1903). *Opyt issledovaniya chuvashskogo sintaksisa* [Experience in Studying Chuvash Syntax]. Vol. 1. 14, XII, 573 p. Kazan', Tipo-litografiya V. M. Klyuchnikova. (In Russian)

26. Poppe, N. N. (1924). *Chuvashskii yazyk i ego otnoshenie k mongol'skomu i turetskim yazykam* [The Chuvash Language and Its Relation to the Mongolic and Turkish Languages]. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk*. Ser. 6, vol. 18. No. 12, pp. 289–314. (In Russian)

27. Dimitriev, V. D. (1963). *O knige G. V. Yusupova "Vvedenie v bulgaro-tatarskuyu epigrafiku"* [About G. V. Yusupov's Book "Introduction to the Bulgaro-Tatar Epigraphy"]. *Uchenye zapiski Nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury, istorii i ekonomiki pri Sovete ministrov Chuvashskoi ASSR*. Vol. 23, pp. 255–263. (In Russian)

28. Fedotov, M. R. (1983). *Chuvashskii yazyk v sem'e altaiskikh yazykov* [The Chuvash Language among the Altaic Languages]. Vol. 2. 136 p. Cheboksary, Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian)

29. Zakiev, M. Z. (1978). *Ob istokakh yazyka osnovnykh komponentov kazanskikh tatar (k etnogenezu tyurkoyazychnykh narodov Povolzh'ya i Priural'ya)* [On the Origins of the Language of the Main Components of the Kazan Tatars (on the ethnogenesis of the Turkic-speaking peoples of the Volga and Ural Regions)]. Zakiev M. Z. (ed.). *Voprosy tatarskogo yazykoznaniiya*. Pp. 3–65. Kazan', izdatel'stvo Kazanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. (In Russian)

30. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arhiv Sankt-Peterburga* [Central State Historical Archive of St. Petersburg]. F. 14. Inv. 3. F. 15505, 166 list. (In Russian)

31. Faizkhanov, Kh. (2022). *Kratkaya uchebnaya grammatika tatarskogo yazyka* [Short Educational Grammar of the Tatar Language]. Faizkhanov A. *Kratkaya nauchnaya morfologiya tatarskogo yazyka*. 240 p. Moscow, "Medina". (In Tatar, in Russian)

32. Nurieva, F. Sh. (2017). *Grammaticheskie trudy brat'ev Faizhanovykh v razvitii tatarskoi lingvisticheskoi nauki* [The Faizkhanov Brothers' Works on Grammar in the Tatar Linguistics Development]. *Islam v sovremennom mire*. Vol. 13. No. 4, pp. 46–64. (In Russian)

33. Ismagilov, N. F. (2008). Rol' G. Faizkhanova v razvitii tatarskogo literaturnogo yazyka na primere perevoda "Kalily i Dimny" [The Role of G. Faizkhanov in the Development of the Tatar Literary Language Based on His Translation of "Kalila and Dimna"]. *Religioznoe obrazovanie musul'man Volzhsko-Surskogo regiona: istoricheskii opyt, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya. Sbornik materialov k pyatiletiyu ezhegodnogo nauchno-prakticheskogo seminaru "Rukhi miras" ("Dukhovnoe nasledie")*. URL: <https://idmedina.ru/books/materials/?878> (accessed: 11.04.2023). (In Russian)

The article was submitted on 05.07.2023

Поступила в редакцию 05.07.2023

Мухетдинов Дамир Вайсович,

доктор теологии, ректор,

профессор,

Московский исламский институт,

119435, Россия, Москва,

Кирова, 12;

Санкт-Петербургский государственный

университет,

199034, Россия, Санкт-Петербург,

Университетская наб., 11.

dmukhetdinov@gmail.com

Mukhetdinov Damir Vaisovich,

Doctor of Theology, Rector,

Professor,

Moscow Islamic Institute,

12 Kirov Str.,

Moscow, 119435, Russian Federation;

Saint Petersburg State University,

11 Universitetskaya Naberezhnaya,

St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

dmukhetdinov@gmail.com